

И. Барабаш

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Предмет этнографии в широком смысле тот же, что и собственно исторической науки: исследование прошлого человеческого общества¹. Эта и другие отрасли истории (археология, история искусства, история литературы, историческая антропология и др.) выделились в процессе специализации науки. Их цель, объект, место в системе наук, методология остались во многом теми же, что и у истории, но источники их исследований различны. Эти различия определили особые темы исследований каждой науки и главным образом своеобразие методов изучения источников.

Процесс дифференциации исторических наук не завершен еще и в наши дни. В рамках исторических исследований возникли экономическая история, аграрная история, история права, история поселений, историческая демография и т. д. Точно так же идет дифференциация и в рамках этнографии: уже почти обособились изучение народного поэтического творчества, народной музыки, танца. Намечается тенденция к обособлению таких областей, как аграрная этнография, изучение поселений и даже жилища.

Необходимость дальнейшей специализации исследований сохранится и в будущем. При все расширяющемся материале новые крупные научные результаты можно получить лишь в том случае, если мы будем проводить наш анализ в рамках узкого круга тем, углубляясь в изучение самых мелких подробностей. Но более узкая специализация исследований имеет и свои отрицательные стороны. В этом случае ученый видит лишь один аспект причинных связей. Этот недостаток, однако, можно преодолеть путем синтеза результатов специальных исследований или же путем сближения независимых друг от друга, на первый взгляд, отраслей различных наук. Так возникла, например, наука о поселениях, включающая в себя отдельные отрасли географии, истории, архитектуры, истории искусства, этнографии.

Положение этнографии соответствует положению других отраслей в системе исторических наук. Здесь также необходимы, с одной стороны, тематическая специализация, как можно более подробная разработка и анализ исследуемого материала и, с другой стороны, обобщение данных более специализированных областей исследований, их взаимосвязь. Следует, однако, признать, что в общественно-исторических науках «микрo-анализ» не получил такого широкого распространения, как в естественных. Это, конечно, связано с тем, что при детальном анализе материал исторических исследований не всегда может быть в достаточной степени

¹ Ср.: Ю. В. Бромлей, О. И. Шкаратаи, О соотношении истории, этнографии и социологии, «Сов. этнография» (далее СЭ), 1969, № 3.

документированно обоснован. Отсюда появление большого количества положений, не всегда подкрепленных фактами. Эта тенденция некоторых специализированных исторических исследований вполне понятна: ведь логически рассуждать, основываясь на отдельных примерах, намного проще, чем делать выводы из анализа большого числа противоречащих друг другу данных.

В европейских этнографических исследованиях больше принята узкая специализация. Микроаналитические исследования, несомненно, позже приведут к обобщающим результатам. К сожалению, при таких исследованиях постоянно приходится преодолевать две трудности: 1) отсутствие в достаточном количестве нужного систематизированного материала; 2) необходимость совершенствования методологического уровня работ. До сегодняшнего дня недостаточно четко определены такие основные термины, как «народ», «нация», «культура» и т. д., не выяснены соотношение этнографии со смежными научными дисциплинами, а также правомерность адаптации этнографией социологических и политико-экономических категорий². Однако определение основных терминов или места нашей науки в системе других наук не может быть единственной целью всех научных исследований.

Каким образом этнографическое исследование может достигнуть таких обобщающих научных результатов о прошлом человеческого общества, которые бы вышли за узкие рамки специальных областей наук или за ограниченные рамки местных исследований (хотя и их значение я не хотел бы преуменьшать)? Прежде всего необходимо делать выводы на основе анализа материала, специфичного для изучаемой исследователем узкой области науки.

В данной статье мы ограничимся вопросами пространственной дифференциации народной культуры. Решение этой проблемы в свою очередь создает предпосылки для вскрытия закономерностей культурно-исторических процессов³. Это вопрос о корреляции пространства и времени в специальном общественно-историческом плане.

Никто не оспаривает того, что этнография путем изучения существующих и сохранившихся в народной памяти объектов народной культуры раскрывает образ жизни трудящегося населения, его культуру и воссоздает более жизненно, чем все прочие отрасли науки, ряд сторон истории народа. Но, к сожалению, срок памяти и срок существования вещей довольно короток. Можно, пожалуй, утверждать, что этнографическое исследование дает достаточно достоверную картину жизни народа, его культуры только за последние 100—150 лет, а при наиболее благоприятных условиях — за 200—250 лет. В истории 200 лет — короткий период. Воссоздать жизнь народа на более ранних этапах трудно, тем более что нет подробных сведений об образе жизни трудящихся в это время. Но этнографы всегда стремились заглянуть в далекое прош-

² См.: Ст. Данн, Некоторые предварительные вопросы в международной этнографии, СЭ, 1965, № 6; A. Hultkrantz, American «Anthropology» and European «Ethnology», «Laos», 1952, v. 2, p. 99—106; R. H. Lowie, The history of ethnological theory, N. Y., 1937; A. L. Kroeber, Anthropology, New York, 1939; A. Piddington, An introduction to social anthropology, I. London, 1952; B. Bratonic, Europäische Ethnologie, «Actes du Congrès International d'Ethnologie Regionale», Arnheim, 1953, Arnheim, 1956, 15—20; Kaj Birket-Smith, The paths of culture, Madison-Milwaukee, 1965; его же, Geschichte der Kultur, Zurich, 1946; W. Jacobeit, Bauerliche Arbeit und Wirtschaft, Berlin, 1965.

³ О различных аспектах вопроса см.: R. Weiss, Einführung in den Atlas der schweizerischen Volkskunde, Basel, 1950; S. Erixon, Die Frage der kartographischen Darstellung, vom Standpunkt der nordischen Ethnologie in Sweden aus betrachtet, «Folk», 1. 1937; A. Kutrzeba-Pojnarowa, Atlas kultury ludowej polski jako jedna z form pracy etnograficznej, «Ethnografia Polska», 1961, № 4, p. 153—171; J. Barabas, Kartográfiai módszer a neprajzban, Budapest, 1963; S. I. Bruck, W. K. Gardanow, K. G. Guslisty, M. G. Rabinowitsch, T. A. Shdanko, L. N. Terentjewa, Grundsätze und Methoden beim Zusammenstellen regionaler geschichtlich-ethnographischer Atlanten in der UdSSR, Moskau, 1968.

лое. С большим вниманием относились они, например, к изучению процессов этногенеза⁴. Многие исследователи древних периодов нередко почти без всякой критики переносили закономерности, характерные для XVIII—XIX вв., в более отдаленные эпохи, иногда и на тысячу лет назад. Они основывались на ошибочной концепции, что примитивная народная культура не меняется на протяжении тысячелетий. Например, Мейтцен и его последователи искали в планировке немецких поселений конца прошлого века прагерманское наследие, не учитывая при этом влияния феодализма на характер поселений⁵. Такой метод справедливо вызвал массу сомнений у этнографов, более критически относящихся к источникам, и даже породил у них известное недоверие к методу ретроспективного анализа.

Следует ли отказаться от этого метода и ограничиться этнографическими исследованиями в рамках 100—200 лет? На это можно было бы пойти лишь в том случае, если бы в нашем распоряжении были другие источники для изучения наиболее древних периодов народной культуры. Но, к сожалению, такими источниками не располагают ни этнография, ни другие родственные ей науки. Скучные письменные источники не всегда достоверны и нередко дают искаженную картину действительности. Поэтому следовало бы попытаться отыскать те способы, которые делают возможным проникновение в прошлое с помощью этнографического материала.

Для исследователей-марксистов является бесспорным, что неравномерное развитие общества представляет собой закономерный результат данного исторического развития. Неравномерность развития находит отражение и в народной культуре. Здесь следует остановиться вкратце на употреблении понятия «народная культура». В социалистическом обществе термин «народ» означает совокупность всех трудящихся, а значит, народная культура — это, по существу, вся национальная культура. Для классового общества мы считаем возможным сузить понятие «народ» так, чтобы оно включало в себя только трудящиеся, эксплуатируемые классы⁶. Такое толкование понятий «народ» и «народная культура» условно, но все же, на наш взгляд, наиболее целесообразно, так как оно не стирает грани между двумя культурами. Неравномерность исторического развития вызывает сильную пространственную дифференциацию народной культуры. При хороших источниках и точной информации мы можем сделать соответствующие выводы о ходе неравномерного развития и даже о его причинах⁷. При этом, естественно, необходимо ориентироваться в довольно сложных взаимосвязях и принимать во внимание опыт целого ряда других наук.

При изучении тождественности или различия того или иного культурного элемента, выполняющего у разных народов одинаковую функцию, неизбежно возникает вопрос о причинах этого совпадения или

⁴ G. Cocchiara, *Storia del folklore in Europa*, Torino, 1954; L. Schmidt, *Geschichte der osterreichischen Volkskunde*, Wien, 1951; С. А. Токарев, *История русской этнографии*, М., 1966.

⁵ См., например: R. Ogrissek, *Dorf und Flur in der Deutschen Demokratischen Republik*, Leipzig, 1961.

⁶ H. Strobach, *A marxista népfogalom es annak jelentosege a naprajzkutatás tárgyának meghatarozasara*, «Ethnographia», t. LXXX, 1969, № 2, p. 161—174.

⁷ См., например: R. Weiss, *Sprachgrenzen und Konfessionsgrenzen als Kulturgrenzen*, «Laos», 1951, v. 1, S. 96—110; Br. Schier, *Hauslandschaften und Kulturbewegungen im ostlichen Mitteleuropa*, Gottingen, 1966; E. Burgstaller, *Brauchtumsgebäcke und Weihnachtsspeisen*, Linz, 1957; ег о ж е, *Osterreichisches Festtagsgebäck*, Wien, 1958; G. Wiegelmann, *Probleme einer kulturraumlichen Gliederung im volkskundlichen Bereich*, «Rheinische Vierteljahrsblätter», B. 30, 1965, S. 95—117; B. Gunda, *Kulturverbindungen zwischen dem Vorraum der Ostalpen und dem ungarischen Transdanubien. Kontakte und Grenzen*, «Festschrift für Gerhard Heilfurt zum 60. Geburtstag», Gottingen, 1969, S. 145—154; L. Szolnok, *Die Hanfbreche*, «Acta Ethnographica», t. XV, fasc. 1—2.

расхождения. Часто в качестве таких причин выдвигались географические условия. Между тем последние исследования установили, что в разные периоды географические условия в известной степени влияют на жизнь общества, но основными всегда остаются причины общественные. Многие исследователи поселений считали, что в возникновении разбросанных поселений решающая роль принадлежала вертикальной расчлененности местности. Они основывались на том, что этот тип поселений нередко наблюдался в зонах с горными возвышенностями. Однако более тщательный анализ показал, что хотя географический фактор в этом случае и имел значение, решающая роль принадлежала все же господствовавшей форме землевладения⁸. Отсюда следует, что возникающие в сходных естественных условиях совпадения также необходимо исследовать в историческом плане. Ясно также и то, что с повышением уровня общественного развития влияние географических условий становится все менее существенным.

Народная культура — классовая культура, и ее формирование определяется развитием производительных сил и производственных отношений данного общества. Эта связь, однако, весьма часто проявляется в довольно сложной системе зависимостей. Обычно вслед за классовой дифференциацией следует дифференциация в области культуры, но бывает и наоборот. Народная культура не возникает на пустом месте, она складывается исторически в связи с развитием общей культуры и органически связана с культурой господствующих классов. Эта связь двусторонняя и проявляется как активный, творческий культурный процесс. Поэтому неверна в своей основе теория о «gesunkenes Kulturgut». Следует уделять намного больше внимания изучению возникновения и развития явлений, что всегда связано с анализом конкретного материала. Если, например, рассматривать различные варианты печи, то можно отметить, что некоторые характерные ее формы могли сложиться в тех или иных местных условиях. Если мы будем более тщательно исследовать народную культуру, то наверняка во многих местах сможем найти и другие примеры чисто локального развития; между тем ряд исследователей неправомерно принимает во внимание главным образом диффузию⁹.

Пространственная дифференциация довольно часто представляет собой не что иное, как временное различие в развитии. На рубеже нашего столетия исследователи считали, что для венгров характерный этнический признак — ношение сапог, а для румын и словаков — лаптей¹⁰. Однако это неисторический подход к явлениям; известно, что столетие раньше среди венгров ношение лаптей было довольно широко распространено. Такого рода различия также дают возможность изучить ход неравномерного развития. Нам известны и такие примеры, когда накопление культурных ценностей в жизненном опыте (в орудиях, в материале) спустя какое-то время становится препятствием для дальнейшего развития. Только качественное изменение в свое время устраняет это препятствие.

В течение прошлого столетия дым выводился из кухни венгерского жилого дома двумя способами: через так называемый свободный дымоход или через дверь. Несомненно, первый способ является более усовершенствованным. В тех местах, где преобладал этот способ, можно еще сейчас встретить наряду с новым дымоходом такие старые дымоходы. В то же время другой, более примитивный способ вывода дыма совер-

⁸ И. Барабаш, Возникновение поселений усадебного типа в восточной части Средней Европы, «Acta Ethnographica», 1963, № 12.

⁹ К. Ванке, Н. Науманн, Mann und Werk, «Hessische Blätter für Volkskunde», 1955, 46, p. 1—7.

¹⁰ М. Кресз, Ungarische Bauerntrachten (1820—1867). Budapest — Berlin, 1957

шенно исчез, а это значит, что в некогда наиболее отсталых областях сегодня господствует более современное жилище.

Следовательно, нельзя говорить о механической диффузии в культуре; изменения происходят путем приспособления старых ее элементов к новым условиям жизни. Исследуя появление нового, следует учитывать всю совокупность общественных условий. При этом нужно принимать во внимание, что один и тот же фактор в разные отрезки времени способен оказывать совершенно различное влияние. Для возникновения новых явлений существуют закономерные предпосылки. Мы не должны упускать ни одного из взаимодействующих факторов. Причем те из них, которые вызывают сходство или различия, следует оценивать не только по содержанию, но и по занимаемому ими в общей связи положению¹¹.

Вскрытие факторов, обуславливающих сходство и различие, является ступенью на пути к пониманию данного состояния пространственной дифференциации, к выделению различных временных слоев фазы развития. Проиллюстрируем это положение двумя характерными примерами, взятыми из работ венгерских исследователей. Эти примеры показывают, как можно на базе главным образом систематизированного этнографического материала сделать выводы о развитии явлений.

Вот первый пример: для изготовления ткани над коноплей или льном проводится целый ряд рабочих операций, и прежде всего очесывания. Приспособления для этой операции известны уже со времен неолита (Швейцария). Для очесывания в Европе в конце XIX в. употреблялось четыре разновидности этого орудия. Одно из них представляло собой кусок доски лопатообразной формы с рядом зубьев на конце. Н. И. Лебедева публикует описание подобных орудий, использовавшихся как для очесывания хлопка, так и для очесывания конопли и льна. Точно такие же орудия были известны в Древнем Египте. Другой тип орудий похож на стреловидную щетку с двойным или одинарным рядом железных зубьев. Третий тип — метровая доска, в середине которой по кругу (размером примерно в тарелку) расположены железные колючки. Четвертая разновидность — это изготовленная из щетины кисть. Первый тип — лопатообразная чесалка, — судя по опубликованным материалам, лучше всего известен в восточнославянских областях. Щетковидная чесалка с железными зубьями развилась из предыдущего вида, по всей вероятности, в греко-римский период, когда железо уже широко использовалось. В настоящее время она распространена в границах древней Римской империи, хотя встречается спорадически и в более северных странах, большей частью в тех, куда проникали римляне. Третья форма чесалки господствует в областях, лежащих к западу от линии Белград — Ленинград. Первые данные об этом типе чесалки (наиболее производительной из всех четырех разновидностей) относятся к XII—XIII вв. Ее название известно во всех германских языках. Это позволяет предположить, что она возникла в Англии или во Фландрии — центрах текстильной промышленности.

Чешское, словацкое, финское, эстонское, венгерское названия этой формы чесалки, по-видимому, выведены из немецкого. Венгры переняли от южных словаков вместе с названием и щеткообразную форму, что подтверждается терминологией и археологическим материалом XIII в. В последующие несколько столетий щеткообразная форма была вытеснена почти во всей стране, за исключением востока, и уступила место чесалке в форме доски. Полную документацию с картами распространения и иллюстрациями приводит Лайош Солноки в работе «Волокночесалки»¹², где на основе исследования, описанного выше, и некоторых

¹¹ J. Barabás, Указ. раб., стр. 125.

¹² L. Szolnokv. A rostfésűk, «Neprajzi Értésito», 1966, 48, S. 89—127.

других орудий обработки пряжи воссоздается процесс складывания венгерской народной текстильной техники. Выводы базируются на анализе предметной и терминологической тождественности и различия. В результате исследования выявилась следующая картина: у венгров до X в. материя изготовлялась, по-видимому, примитивным способом, из нерасчесанной пряжи, и только позднее, в значительной степени под влиянием славянских народов, появилась материя более высокого качества. С XIV—XV вв. начали применяться более производительные орудия, свидетельствовавшие о высоком для того времени (не только для очесывания) уровне развития текстильной техники.

Другой наш пример касается особого продукта из кислого молока, который в Европе был известен под турецким названием *joghurt*. В Венгрии до конца XIX в. его изготовляли из коровьего молока. Этот молочный продукт был распространен также на Балканском полуострове; болгары знали и его турецкое название, но чаще употребляли термин «кисело мляко». Можно предположить, что турки-османы занесли этот продукт на Балканы, оттуда он проник в Венгрию, где его называют *tarho*. Венгерские филологи-слависты производят это слово от словацкого слова *tvorog*. Однако из-за семантического различия это сопоставление недостаточно убедительно; у восточных славян такой молочный продукт не употребляют. Османо-турецкое название венграм неизвестно.

Слово *tarho* упоминается в венгерском словаре (словнике), который относится к XIV—XV вв., т. е. к тому периоду, когда у венгров вообще не было контактов с турками-османами. По-видимому, йогурт уже давно является элементом венгерской культуры. Можно предположить, что венгры переняли его у северных тюрков еще в V—VIII вв., в период интенсивного общения с ними. (Известно, что йогурт изготовлялся многими скотоводческими народами на территории от Черного моря до Монголии; значительную часть этих народов составляли тюрки.) Венгерские данные позволяют предположить, что болгары восприняли йогурт не у тюрков-османов, а у волжских тюрков. По тем же материалам можно определить время появления этого продукта и у других тюркских народов¹³.

Мы видим, что на основе изучения пространственного распределения различных культурных явлений с использованием живого этнографического и лингвистического материала, можно прийти к довольно интересным и убедительным выводам. Из-за недостатка источников по отдаленным периодам такого рода исследования особенно важны.

Серия подобных исследований в разных областях этнографии, видимо, поможет создать представление о народной культуре каждой определенной эпохи, а также понять этногенетические процессы; об этом, впрочем, мы не будем говорить в данной статье.

Учет пространственных и временных связей требует от этнографа умения хорошо ориентироваться в тщательно проверенном материале, охватывающем большой отрезок времени и включающем элементы разных эпох. Надежными инструментами такого рода исследования являются функциональный, количественный, социальный и сравнительный анализ¹⁴.

При рассмотрении известных на венгерской языковой территории разных типов бороны с деревянным каркасом сразу же бросается в глаза, что в более отсталых областях распространена четырехугольная ее форма, а на землях более развитых — трапециевидная. Напрашивается вывод, что четырехугольная форма более ранняя. Исследование распространения этого орудия на всем Европейском континенте еще лучше подтверждает это предположение. Мы видим, что даже по форме можно определить хронологическое соотношение предметов. Разумеется, такие

¹³ E. Kisbán, Die historische Bedeutung des Joghurts in den Milchverarbeitungssystemen Südosteuropas. «Viehwirtschaft und Hirtenkultur», Budapest. 1969, S. 517—530.

¹⁴ I. Vincze. Ungarische Weinkelter. «Acta Ethnographica». 1959. № 8, S. 99. 100.

выводы следует подтверждать археологическим материалом, иконографией, документами по истории языка. В результате в ряде случаев можно добиться абсолютно точных хронологических данных.

Целесообразно поставить вопрос о том, насколько применим наш метод к общим и частным общественным явлениям.

Нам представляется, что нельзя делать выводы только на основании значительных общественных явлений, поскольку в процессе исторического развития постепенно действуют дифференцирующие и интегрирующие силы, которые порой находятся в весьма сложном соотношении. Христианская религия не уничтожила полностью языческую космологию, но в наши дни сохраняются, конечно, лишь остатки более древних представлений. В ходе интегрирующей деятельности христианской идеологии наиболее характерные черты шаманской веры практически исчезли, тем не менее на основе остатков древних поверий В. Диосеги удалось произвести реконструкцию венгерского шаманства¹⁵.

Сегодня мы наблюдаем, как под воздействием опыта использования современных домов типа вилл, под влиянием односторонне направленного планирования и формирования нового вкуса повсеместно распространяется четырехскатная форма крыши. В то же время характерные черты местной строительной техники различны: казалось бы, менее значимые элементы продолжают жить. Поэтому следует учитывать действовавшие в прошлом интегрирующие силы. Целесообразно, следовательно, распространить исследование и на мелкие, даже, казалось бы, незначительные сейчас моменты, ибо часто только в элементах третьей степени важности сохраняются свидетельства о ходе предшествующего развития. Порой важным доказательством может служить устойчивость терминологии¹⁶. Венгерское слово *szelement* («конек»), которым обозначается пролегающее по верху крыши и укрепляющее ее бревно (балка), встречается на всей венгерской языковой территории, кроме восточной ее области. Здесь это слово не было известно ни в прошлом, ни в настоящее время, нет сведений и о существовании в этой области такого рода балки. Напрашивается вывод, что на востоке Венгрии, по крайней мере начиная с XVII в., не строили крыш с поддерживающей верхней балкой. И действительно, именно эта конструкция была характерна для всего венгерского народного жилища уже в средние века и отсутствовала только в Трансильвании.

Мы видим, что этнографы добьются лучших результатов, если смогут в первую очередь извлечь все возможное из собственного материала. Это ни в коей мере не противоречит требованию комплексного изучения, использования достижений смежных наук, которые служат также опорой для сравнительных этнографических исследований. Однако не следует думать, что этнограф должен быть одновременно и архивным исследователем, и географом, и археологом и т. д., т. е. ученым, знающим все. Если исследователь отказывается от более углубленного изучения этнографического материала, а старается охватить все, то в действительности он лишь наспех набирает легкодоступный материал других отраслей наук, а собственно этнографический материал в лучшем случае играет у него декоративную роль. Такое исследование выглядит комплексным лишь на первый взгляд. Видимо, материал смежных наук следует привлекать лишь в той степени, в какой этого требует интерпретация собственного материала.

В статье Ю. В. Бромлея и О. И. Шкаратана правильно указано на то, что «узко взятые суждения о предмете отдельных наук всегда чреватны опасностью расширительного толкования его»¹⁷.

¹⁵ V. Diószegi, *A samanhit emlékei a magyar népi műveltségben*. Budapest, 1958.

¹⁶ A. Tálasi, *A termetes és a nyelv kapcsolata aratomüveleteinkben*, «Ethnographia», 1957, t. 68, S. 217—251.

¹⁷ Ю. В. Бромлей, О. И. Шкаратан, Указ. раб., стр. 4.

Однако между родственными отраслями науки не может быть жестких границ, и если некоторую профессиональную ограниченность можно считать нормальной, не следует забывать и о том, что окончательные результаты вряд ли могут быть достигнуты в рамках одной узкой отрасли науки. Совершенно очевидно, что существуют такие исследовательские области, в которых возможно сочетание четырех-пяти разных отраслей науки.

Уже довольно четко выделилось несколько видов исследований, помогающих решить проблемы корреляции пространства и времени, вопросы тождественности и различия в этнографии. На первом месте среди них стоят тематические монографические исследования, которые охватывают тот или иной круг вопросов в широких рамках — в масштабе государства или нации. Там, где энергично проводятся такие тематические исследования — в Скандинавии, ГДР, Венгрии — этнография все больше сближается с историческими науками. Там, где больше внимания уделяется локальным монографическим работам, рассматриваются, скорее, вопросы структуры, а не генезиса (Франция, Польша, Румыния). В Европе этнографы должны сосредоточиться на микроанализе, на точных исследованиях. Их задачу облегчает то обстоятельство, что им известен язык исследуемой общности, ее образ жизни, строй мышления и прошлое.

Положение африканистов, американистов несколько иное: им следует быть в какой-то степени и социологами, и лингвистами, и археологами, и историками, и географами, если они хотят развивать этнографию.

С нашей точки зрения важным видом исследования могут быть этнографические атласы.

Большое значение атласов заключается в том, что они содержат много систематизированного, гомогенного и, следовательно, пригодного для сравнительного изучения материала, поднимают некоторые нерешенные вопросы и фиксируют порой неожиданные факторы неравномерного развития и пространственной дифференциации. Думаю, что в результате количественного накопления монографических исследований и историко-этнографических атласов в этнографии может наступить качественный поворот.

Мы ни в коей мере не исчерпали всех вопросов, связанных с названием статьи. Несколько заостренная формулировка некоторых положений объясняется тем, что мы стремились добиться лучшего взаимопонимания при дальнейшем обсуждении этой проблематики.

SPATIAL AND TEMPORAL ASPECTS IN ETHNO-HISTORICAL STUDIES

This article by E. Barabaš deals with an important methodological problem, that of taking account of space and time and their correlation in ethnographic investigation. It is the author's opinion that each ethnographic phenomenon should be considered in a chronological aspect. The uneven development of society has led to a strong spatial differentiation of folk culture, but this has frequently been merely a temporary difference in development levels. In order to understand each particular state of spatial differentiation and to distinguish its various temporal strata the factors under whose influence the phenomena had become identical or different should be carefully studied. The author believes that fairly convincing conclusions as to certain phenomena of folk life under Feudalism and even earlier periods may be reached by comprehensive research into the spatial distribution of culture on the base of contemporary ethnographic material and linguistic data.